

Чжоу Юньшэн посмотрел на красивое лицо Юй Цанхая, отраженное в воде, и с интересом приподнял бровь. Затем он расстегнул одежду и проскользнул в воду.

Цзы Сюань стоял рядом, ожидая, пока белоснежное тело мужчины скроется в воде, прежде чем он сможет быстро пройти мимо, не говоря ни слова. Он положил сложенные одежды на сухие камни и убежал, его щеки и уши покраснели.

От начала до конца Чжоу Юньшэн смотрел на него горящими глазами. Он подождал, пока не отошел достаточно далеко, прежде чем погрузил голову в воду и тихо рассмеялся.

Цзы Сюань не ушел далеко. Он сидел на высокой ветке, беспокоясь, что этот человек не может плавать в глубокой воде. Он прочитал несколько мантр Цинсинь и поднял глаза, чтобы посмотреть. Чем больше он не понимал прочитанного, тем больше сожаления читалось на его лице.

Однако в тот момент, когда он услышал голос Чжоу Юньшэна, он отбросил свои тревоги и легкими шагами направился к нему. Цзы Сюань посмотрел на Чжоу Юньшэна и спросил: "Нуждается ли благодетель в помощи этого бедного монаха?".

"Я искупался, а теперь отнеси меня к огню. Мои волосы мокрые, холодные и неприятные". Чжоу Юньшэн протянул руки и ждал для объятий.

Цзы Сюань, с багровым лицом и опущенными бровями, не осмеливался смотреть слишком пристально. Он наклонился, чтобы поднять Чжоу Юньшэна, и быстро подошел к краю костра.

"Помоги мне вытереть волосы". Чжоу Юньшэн лег на мягкую виноградную траву, где аромат ручья и запах зеленых листьев заставили его снова почувствовать себя живым. Он протянул монашескую рясу своему возлюбленному в качестве полотенца.

Цзы Сюань взял ее и медленно вытер волосы Чжоу Юньшэна. Веки его оставались полужакрытыми. Он не осмеливался поднимать глаза.

Цзы Сюань был человеком большой глубины и пронизательности, и одного взгляда ему хватило, чтобы разглядеть высокое, гибкое белое тело человека. Картина была запечатлена в его сознании и уже не могла быть удалена. Он не мог не вспоминать об этом снова и снова. Он чувствовал, что ужасная мысль была на кончике его сердца, и если он коснется ее, то полностью потеряет рассудок.

Чем ближе он подходил к мужчине, тем сильнее становилось чувство, что он почти теряет контроль. Цзы Сюань бессознательно ускорил процесс вытирания волос. Потерев их несколько мгновений, он вышел из оцепенения и понял, что может использовать свою внутреннюю силу. Он покрыл свои руки истинной ци и расчесал иссиня-черные волосы мужчины.

Тонкий туман испарялся с волос, и по мере того, как они высыхали, они становились все более гладкими и мягкими. Они выпали из промежутков между его пальцами и водопадом растеклись по плечам Чжоу Юньшэна. Несколько прядей упали на обнаженную грудь мужчины и легли на его нефритово-белую грудь. Черные волосы потемнели, а белая кожа стала блее, в то время как два красных тростника спрятались между ними, образуя сильный цветовой контраст.

Глаза и сердце Цзы Сюаня были пронзены быстрым взглядом, и злой огонь вспыхнул в его груди, сжигая его хрупкий разум.

Испугавшись, он отбросил в сторону волосы мужчины и отшатнулся назад. Он закрыл ладони и зашептал буддийские сутры.

Когда кончики пальцев его возлюбленного ласкали кожу головы и волосы, Чжоу Юньшэну было очень удобно. Он планировал упасть в объятия Цзы Сюаня и просто откинулся назад, затем потерял равновесие и тяжело ударился о землю.

К счастью, он оправился от полученных травм. Он чувствовал только боль от падения, что не было большой проблемой. Он приподнялся, размял спину, повернулся и спросил: "Все шло так хорошо. Почему ты вдруг убежал?".

"Амитабха, хорошо, хорошо (это означает комплимент, но монахи использовали это выражение как выражение недовольства или как "грех" искупления)". Цзы Сюань потерял дар речи. Он мог использовать только фразу всемогущего Будды, когда смотрел на человека, лениво лежащего в зеленой виноградной траве после потери равновесия. Поскольку его непристойная одежда и брюки были грязными и разорванными нападавшим, он выбросил их. На нем были белоснежные монашеские одежды, и они были неправильно завязаны. Они небрежно свисали, обнажая его обнаженную грудь и круглые плечи, а также пару перекрывающих друг друга стройных прямых ног, скрывающихся под его одеждой.

Он явно был мужчиной, но при этом потрясающе красивым и волнующим душу.

Зрачки Цзы Сюаня на мгновение сузились, затем он склонил голову и поспешил назад, как будто увидел привидение.

Чжоу Юньшэн был озадачен его реакцией. Немного подумав, он пришел к пониманию, прикрыл губы кулаком и громко рассмеялся.

Холодный ветер кружил в верхушках деревьев, бросая разноцветные желтые листья на мужчин, которые стояли. Холодный воздух помог Цзы Сюаню восстановить самообладание. Он взглянул на Чжоу Юньшэна и сказал тупым голосом: "Сейчас поздняя осень, погода холодная. У тебя нет внутренней силы, поэтому тебе следует завязать свои одежды, чтобы не заболеть".

"Я слаб. Как я могу одеться сам? Ты не поможешь мне?". Его возлюбленный был таким чистым, что Чжоу Юньшэн не мог удержаться, чтобы не подшутить над ним. Его руки и ноги томно вытянулись, отчего монашеская одежда, свободная и развязанная, снова соскользнула вниз, открыв плоский, тугий живот и две красивые линии, образующие букву v. Некоторые черные волосы распространились от нижней части живота в более укромное место. Нетрудно было представить, как красиво будет выглядеть то место, когда одежду снимут.

Хотя он не хотел слишком много думать об этом, некоторые картины всплыли у него в голове и заняли все сознание Цзы Сюаня. Он повторял мантру Цинсинь сотни раз, но это не возымело никакого эффекта. Вместо этого он прочел мантру Дабэй. Множество капель пота скатилось по его лбу, и он выглядел крайне неловко.

Чжоу Юньшэн не стал его уговаривать. С яркими глазами цвета персика и тонкими красными губами, он продолжал смотреть на него, как старый Бог, наблюдающий с земли.

Его бешеное сердцебиение никак не могло успокоиться. Цзы Сюаню пришлось задействовать внутренние силы, чтобы подавить его. Он подождал, пока его тяжелое дыхание не придет в норму, прежде чем подошел и застегнул одежду мужчины одну за другой.

"Как ты завязал этот узел? Что произойдет, если я не смогу развязать его, когда начну

принимать ванну?”. Голос Чжоу Юньшэна был легким, но его сердце было полно смеха.

“Мои извинения, этот бедный монах снова поможет благодетелю”. Цзы Сюань медленно вздохнул и попытался развязать одежду Чжоу Юньшэна, но его пальцы отказались. Мгновение спустя он услышал резкий звук рвущейся ткани. Он сорвал с монаха одежду спереди, обнажив белую грудь мужчины. На этот раз, однако, ничто не могло этого скрыть.

Лоб Цзы Сюаня покрылся капельками пота. Он внезапно отступил, как ветер. Он прочел мантры в своем сердце и извинился устами. Выражение его лица было очень расстроенным.

Чжоу Юньшэн поддержал свой лоб, с трудом подавил смех, который подступил к его горлу, и сдержал слезы, угрожающие вырваться наружу. Он помахал рукой: “Давай, ты можешь помочь мне снова переодеться”.

Смущение Цзы Сюаня было достаточно сильным, чтобы он достал из пакета два комплекта монашеских одежд и надел их на Чжоу Юньшэна с закрытыми глазами. Затем он завернул его в кокон и прошептал: “Ночью холодно. Благодетель должен быть сначала накрыт двумя слоями одежды, чтобы не замерзнуть, а затем бедный монах поможет тебе надеть их должным образом завтра утром”.

Чжоу Юньшэн беззвучно рассмеялся, заложив руки за голову. Он засмеялся и поманил его указательным пальцем.

“Да, уже слишком поздно. Иди и помоги мне согреться”.

Цзы Сюань в душе жаловался, но не смел уклоняться от ответственности. Мужчина слишком сильно истекал кровью и все еще был ранен. Температура его тела была ниже, чем должна быть, поэтому, если бы он не обращал внимания на его температуру, он боялся, что тот простудится.

Идти по этой плохой дороге было ради исцеления этого человека, и больше ничего не было на уме. Речь шла о том, чтобы спасти людей до конца, отправить Будду на запад (сделать доброе дело до конца) и сделать все, что в его силах.

Поэтому Цзы Сюань успокоил себя и подождал, пока пот на его лбу высохнет на холодном ветру, прежде чем двинуться к Чжоу Юньшэну, запустив свою внутреннюю силу, чтобы сделать его тело горячим, и осторожно сжал мужчину в своих объятиях.

Это объятие всегда было таким теплым, безопасным и удобным. Он мог положиться на них в любое время и в любом месте. Чжоу Юньшэн редко проявлял признаки хрупкости. Его щеки нежно потерлись о грудь Цзы Сюаня, и вскоре он заснул.

Цзы Сюань не мог уснуть. Каждый мускул был тверд, как камень. Особенно когда Чжоу Юньшэн выгнулся дугой в его объятиях, Цзы Сюань не осмеливался дышать слишком тяжело, боясь потревожить его. Цзы Сюань держал Чжоу Юньшэна так, словно он был бесценным сокровищем. Он не смел отпустить его, не смел напрягаться, только смотрел на него, и его разум перевернулся с ног на голову.